

**Письмо Е. А. Преснякова М. А. Полиевктову
от 20 марта 1930 г.**

Сейчас можем выслать каталог иностранцев. На днях кончим русскую историю и русские книги по всеобщей истории. Немного позже — «Источники, фонды и периодика». Ориентировочно, по русской истории 16 полок, по всеобщей на русском — 4 полки. Из «Фондов» — полное собрание летописей, издания Археографической комиссии. Комплект русской истории за 47 лет, недостает № 1 [за] 1881 г., который можно купить за 5 руб. Комплект «Русского Архива», «Исторического вестника», «Свод законов», «Архив Шереметева», Тургеневых, Мордвиновых и т. д.

Подробный каталог через пять дней сдадим машинистке и вышлем к вам немедленно.

Сейчас заканчиваем практически составлять библиографию с включением в нее рецензий о работах А. Е. Она вместе с 2–3 фотографиями, биографической канвой и описанием рукописного наследия намечена изданием, возможно, через комитет по истории знаний, в виде отдельного сборника. Не могли ли Вы дополнить сведениями по Тифлису? Может быть, некрологе и т. д.

Гутик.

Из личного фонда Зинаиды Леонидовны Николадзе-Полиевктовой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники 1889–1927. СПб., 2005. С. 135; см. также: Именной указатель // Там же. С. 945.

² Там же. С. 680.

³ Полиевктов М. Россия и Кавказ как проблема внешней политики России (ЦГИА Грузии). Ф. 1505. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 14–15).

⁴ Полиевктов М. Очерки по истории русского кавказоведения в XVI–XVII вв. (Там же. Ед. хр. 50. Л. 67).

В. Г. Вовина-Лебедева

**А. А. ШАХМАТОВ-ТЕКСТОЛОГ
И «РУССКИЕ МЛАДОГРАММАТИКИ»**

Середина XIX в. в России ознаменовалась отходом в прошлое энциклопедического образования и возникновением отдельных научных школ и направлений, в том числе в области древнерусской истории и книжности. Первоначально они были заимствованы из Европы, но творчески усвоены и затем развиты несколькими поколениями русских ученых. На историю изучения текстов наибольшее влияние оказали мифологическая и культурно-историческая школы.

Идеи сравнительной мифологии приобрели необыкновенную популярность и вскоре стали известны в России после появления трудов знаменитых братьев Гримм. Они сильно повлияли на известного собирателя и исследователя русских сказок А. Н. Афанасьева, профессора Московского университета Ф. И. Буслаева, а в Петербурге — на О. Ф. Миллера и молодого еще тогда А. Н. Веселовского. Последний посвятил методу сравнительной мифологии одну свою раннюю работу,¹ и в дальнейшем пользовался ее приемами при сравнительном изучении западноевропейских литератур.² Для нас особый интерес в этой связи представляет влияние мифологической школы на Ф. И. Буслаева. Воспитанник Московского университета, затем его профессор, лингвист, впервые в России начавший читать курс научного языкознания, показавший необходимость изучения истории русского языка, он во второй половине своей научной деятельности отошел от вопросов лингвистики и целиком занялся проблемами истории древнерусской литературы и фольклора, впервые применив к этой области сравнительный метод. В это время популярны были труды Ф. Бенфея по фольклористике, его «теория заимствования» — новое ответвление старой гриммовской школы.³ Ф. И. Буслаев был сторонником именно бенфеевского направления. Влияние Ф. И. Буслаева на славистов его времени, как московских, так и петербургских, было весьма значительным. Его учениками в области изучения древнерусской словесности были Н. С. Тихонравов и А. Н. Веселовский, а в области лингвистики Ф. Ф. Фортунатов, учитель А. А. Шахматова. Последний, таким образом, был «внуком» Буслаева в научном плане. Другой выдающийся ученик Ф. Ф. Фортунатова лингвист Е. Ф. Будде, вспоминая о влиянии Буслаева на Фортунатова и ученых его круга, писал: «Мы все собственно — буслаевцы, его ученики и воспитанники...».

Н. С. Тихонравов (бывший много лет ректором Московского университета), так же как и А. Н. Пыпин (воспитанник Петербургского университета, ученик И. И. Срезневского), стали основоположниками культурно-исторической школы в России, идущей от трудов И. Тэна и Ф. Брюнетьера.⁴ Главная идея этого направления заключалась в изучении среды «породившей» литературные произведения. В конце XIX — начале XX в. культурно-историческое направление так прочно вошло в научное сознание и в университетские курсы, что можно говорить о засильи этой школы, вызывавшей «антиисторическую» реакцию, например у Ю. Айхенвальда и Д. С. Мережковского, намеренно стремящихся в своих критических работах оторвать художественное произведение от культурно-исторического контекста.⁵ В русле культурно-исторического направления сформировалось несколько поколений ученых, в том числе и специалистов по древнерусской письменности. Среди них можно выделить А. Н. Веселовского, его ученика И. Н. Жданова, а также В. М. Истрина и В. Н. Перетца. С течением времени для представителей этой школы все большее значение приобретало понятие «текста» и «критики текста» как в философском, так и в методическом плане. В европейской текстологии с середины XIX в. господствовала теория «общих ошибок» Карла Лахмана, хотя и подвергнутая в конце века критике со стороны Шарля Бедье.⁶ В России во времена Шахматова как раз в соответствии с этим стали появляться специальные исследования по методам текстологии древнерусской литературы. Особенно следует отметить работу киевского семинара В. Н. Перетца.⁷

Как видим, творчество Шахматова возникло на волне общего расцвета в изучении древнерусской письменности в конце XIX — начале XX в., и, конечно, это не может

считаться случайным. Ученый, несомненно, питался идеями, которые были усвоены и творчески развиты на русской почве еще поколением его учителей и продолжали быть в центре внимания его современников и коллег. Но у Шахматова как историка древних текстов, кроме того, была одна особенность — его лингвистическая выучка, полученная у Ф. Ф. Фортунатова и отличавшая его впоследствии от коллег, занимающихся тем же кругом тем, но подходивших к их изучению с позиций чистой текстологии на манер Лахмана. Шахматов проделал тот же путь, что и Буслаев, а до него — братья Гримм: перешел от сравнительного языкознания к сравнительному изучению литературного материала (в случае братьев Гримм — материала фольклора). Разница состояла лишь в том, что он не бросил занятий лингвистикой, обратившись к изучению летописей. В этом смысле его скорее можно сблизить с братьями Гримм, чем с Буслаевым. Начиная с 1890-х гг. Шахматов существовал одновременно в двух ипостасях: как лингвист и как специалист по летописям. Со временем он все больше склонялся в сторону собственно истории.

Шахматов сам осознавал зависимость подхода к исследованию летописей от своего лингвистического опыта. В некрологе Фортунатова он писал: «Подобно тому, как исследование языка ... становится научным только после привлечения к систематическому сравнению данных нескольких родственных языков ... так же точно исследователь литературного памятника должен, прежде всего, подвергнуть этот памятник сравнительному изучению с ближайшими, наиболее сходными, для того, чтобы определить последовательный ход в развитии исследуемого памятника и восстановить тот первоначальный вид, к которому он восходит».⁸

Это была московская лингвистическая школа. Ф. Ф. Фортунатов по праву считается основателем русской традиции сравнительного языкознания. Именно он разработал саму процедуру сравнения, превратившую лингвистику в самую строгую из гуманитарных наук. Он разработал как инструмент лингвистического анализа тот сравнительно-исторический метод, который потом Шахматов применил к летописанию, а, например, А. Н. Веселовский — к художественной литературе.⁹ Влияние Фортунатова на Шахматова было огромным в течение всей жизни. И многие его особенности как ученого и в исследовании русского языка, и в исследовании летописных текстов объясняются этим влиянием.

Фортунатов как лингвист стоял близко к так называемому младограмматическому направлению, распространившемуся в 70-х гг. XIX в. в Германии (К. Бругман, Ё. Дельбрюк и др. — «лейпцигские языковеды»). Часто о нем пишут как о «русском младограмматике».¹⁰ От младограмматиков Фортунатов воспринял строгую методiku сравнительно-исторических построений. Они полагали, что языкознание должно заниматься главным образом эмпирическими исследованиями, ведущими к конечной цели — воссозданию индоевропейского праязыка, чему сопутствует и изучение истории развития отдельных индоевропейских языков. Фортунатов видел задачу языковедения в том, чтобы «исследовать человеческий язык в его истории», что требует «определения родственных отношений между отдельными языками» и сравнительного изучения тех языков, которые «имеют в прошлом общую историю, то есть родственны по происхождению», благодаря чему должно открыться «то прошлое в жизни нашего языка, когда он вместе с другими славянскими языками составлял один общий язык».¹¹

Исследователи творчества А. А. Шахматова обычно изучают какой-либо один его срез: либо лингвистический, либо текстологический.¹² Это оправдано, если целью

исследования является изучение вклада ученого только в какую-то определенную сферу, но взгляд на творчество такого ученого, как Шахматов, получается односторонним. Между тем увидеть разный материал, к которому он прилагал свой метод, как раз — цель нашего исследования. Полагаем, что языковедческие занятия Шахматова влияли на методы изучения им летописей более, нежели принято считать. Попытаемся проследить черты школы Фортунатова, проявлявшиеся как в лингвистических, так и в летописных занятиях Шахматова.

Известно (сам Шахматов отмечал это), что Фортунатов в своих изысканиях считал крайне важным привлекать с возможно большей полнотой все доступные источники.¹³ И эту же черту мы наблюдаем у Шахматова и как у лингвиста, и как у историка летописания. Уже в своей критике И. А. Тихомирова он указывал, что «успешное изучение московских летописных сводов может начаться только тогда, когда к сравнительно-историческому исследованию будет привлечен весь необходимый для того материал».¹⁴ Его собственные научные построения всегда базировались на огромном летописном материале. И он был первым после Й. Добровского, кто для исследования первоначальной русской летописи считал необходимым привлекать все известные летописи, как ранние, так и поздние. Об этом свидетельствует найденный после его смерти труд, частично изданный впоследствии.¹⁵

Другой чертой, идущей, как кажется от Фортунатова, было внимание Шахматова к деталям. Фортунатов проводил сравнительные исследования языков не путем крупных сопоставлений, а путем сопоставления элементов их развития и изменения, вплоть до отдельного слова и его частей. Шахматов как лингвист делал то же. Сравнение летописных текстов он проводил как можно более подробно, исследуя изменения даже таких элементов, как например орфография. За это, кстати сказать, его многие критиковали. Так, С. А. Бугославский видел недостаток Шахматова в том, что он часто строил свои выводы о родстве текстов на основе анализа «мелких особенностей языка и орфографии».¹⁶ Примерно то же, хотя и без негативного оттенка, отмечал Готье, когда писал, что Шахматов при исследовании исторических явлений применял «микроскопический анализ явлений языка», в связи с чем «присутствие или отсутствие того или иного звука или слова в живом языке или в письменных источниках нередко является для него отправной точкой для целой цепи наблюдений и выводов».¹⁷ Блистательные образцы такого рода «микроскопического анализа» летописного текста можно обнаружить во многих трудах ученого. В наибольшей степени, быть может, это явление характерно для его «Разысканий о древнейших русских летописных сводах».¹⁸ В качестве примеров, ставших классическими, можно привести анализ текста об осенней дани Игоря и исследование множественного и двойственного чисел в рассказе о завоевании Олегом и Игорем Киева.

На следующий момент сходства с Фортунатовым также указывал сам Шахматов, отметив, что его учитель, «сосредоточивая внимание на отдельных явлениях ... без труда при анализе их, возвращался к пересмотру прежних своих положений, не стесняемый произвольно придуманными связями их с другими явлениями».¹⁹ Между тем именно эта черта, т. е. способность пересматривать свои старые построения, отказываясь от слабых звеньев, ясно видна в трудах самого Шахматова как лингвиста, так и текстолога. Д. В. Бубрих писал о методе Шахматова в исследовании славянской акцентологии: «...возникают все новые и новые вопросы и недоумения. Уже сложившееся было учение претерпевает все новые и новые изменения».²⁰ Исследователи творчества

Шахматова-лингвиста отмечали, что, если предложенная гипотеза с течением времени переставала объяснять все языковые факты, Шахматов обычно заменял ее, откуда происходило, как и у Фортунатова, несходство многих взглядов его, высказанных в начале научной деятельности и в конце.²¹ Это же, как известно, можно полностью отнести и к занятиям Шахматова летописями. М. Д. Приселков даже писал в связи с этим о некоторой «видимой неустойчивости» выводов Шахматова в глазах многих его читателей.²² Для коллег, занимающихся древнерусской литературой и историей, это создавало определенные трудности при жизни Шахматова. Как писал В. М. Истрин, «появлявшиеся одна за другой статьи автора по вопросам летописания приучили исследователей к мысли, что взгляды автора еще не установились окончательно, что процесс его творчества еще продолжается и что каждая следующая статья будет вносить новые данные в прежние положения».²³

Эта черта творчества Шахматова до сих пор не связывалась со школой Фортунатова. Д. С. Лихачев объяснял ее тем, что Шахматов «не декларировал принципов своих исследований», а потому «был внутренне свободен в них», а между тем «методические приемы исследований Шахматова также менялись по мере вовлечения им в круг своих интересов все нового и нового материала».²⁴ Причину «колебаний» оценок и выводов в работах Шахматова видели в огромном объеме летописного материала, который с неизбежностью нужно было сначала просто расставить в определенной последовательности, хотя бы и «начерно», чтобы потом все более и более скрупулезно исследовать отдельные элементы этой схемы, «оттачивая» мелкие детали. Он сам призывал в письме к В. А. Пархоменко относиться к его предположениям с большой осторожностью, так как многие из его гипотез «имеют часто временный характер», это «рабочие гипотезы», без которых он не может обойтись «для дальнейшей работы...».²⁵ М. Д. Приселков называл этот прием Шахматова «методом больших скобок», какими пользуются «при решении сложного алгебраического выражения», для того чтобы «потом, позднее, приступить к раскрытию этих скобок, т. е. к уточнению анализа текста». Как заметил Я. С. Лурье, это казалось странным тем исследователям, «которые привыкли и умели оперировать только над простым и легко читаемым текстом».²⁶ Признавая справедливость подобного объяснения, следует отметить, что для самого Шахматова эти стадии творчества возможно и не были так четко разделяемы, и приселковские «большие скобки» в самих текстах Шахматова не так уж ясно выступают. Вероятно, кроме соображений удобства исследования, здесь крылся для Шахматова и некоторый принципиальный момент, и можно связать эту особенность Шахматова с другой его чертой, а именно с его особым отношением к догадкам в научном исследовании. Еще в рецензии на работу И. А. Тихомирова Шахматов отмечал, что сравнительно-исторический метод должен быть признан единственно надежным и правильным путем исследования летописей даже в том случае, если «результаты такого исследования покажутся гадательными и окажутся впоследствии ошибочными».²⁷ Я. С. Лурье писал, что догадки у Шахматова были лишь дополнением к его обоснованным гипотезам. Думается, нельзя согласиться с этим во всех случаях. Для Шахматова, однако, не существовало такого четкого, как для Я. С. Лурье,²⁸ разделения на догадки и гипотезы. Кроме того, по свидетельству С. П. Обнорского, Шахматов «не любил типа ученых, корпящих над одними фактами и не решающихся из-за них к выводам, и, напротив, из малого количества данных требовал выводов, ждал предположений, пусть даже предварительных, но все же

развивающих путь к абсолютной истине», так как «гипотеза, даже неверная, будит мысль».²⁹ Н. К. Никольский подчеркивал также, что «к отличительным приемам его (Шахматова. — В. В.) изысканий принадлежит совместное пользование не только средствами Аристотелиевской логики, но и сетью гипотетических суждений».³⁰ На лингвистическом материале такой особый подход Шахматова виден на примере его полемики с Л. В. Щербой по вопросу об исторической фонетике лужицкого языка. Критикуя книгу Л. В. Щербы, Шахматов специально отметил, что автор «скуп» на гипотезы и «считает благоразумным воздержаться от гипотез о предшествующем языковом состоянии». Речь шла о возможности восстановить факты «общелужицкого единства», эпохи, о которой Щерба писал, что она «в значительной степени является предметом веры, но не знания», а Шахматов противопоставлял этому «ряд общелужицких явлений».³¹ На эту же черту обращал внимание В. В. Виноградов, указывая, что Шахматов-лингвист «не чуждался ни смелых гипотез, ни широких обобщений», привлекая для построения своей новой концепции истории русского языка и историко-литературные, и этнографические, и сравнительно-исторические соображения, но при этом сам «все яснее видел слабые стороны своих величественных построений, непрочность, недостаточность и бедность научного лингвистического материала, который был положен им в основу этих грандиозных сооружений».³²

Если мы обратимся к работам Шахматова по истории летописания, то столкнемся в какой-то мере с тем же явлением. В рецензии на книгу В. А. Пархоменко, он замечает по поводу сформулированной последним теории Азовской Руси: «Позволяю себе предостеречь В. А. Пархоменко от слишком широких обобщений и слишком сложных гипотез. Трудно, конечно, освободиться от влияния широких обобщающих построений, но к этому освобождению надо пока стремиться», добавляя далее, что «путь для обобщений должен быть проложен, прежде всего, критическим изучением источников».³³ В своих собственных работах Шахматов многое строил как на гипотезах, так и на догадках, особенно, когда речь шла о раннем периоде летописания, о том времени, по которому беден сравнительно-текстологический материал. По существу, на серии гипотез и догадок построено его исследование древнейшего киевского и древнейшего новгородского сводов и многие другие построения. За это его многократно критиковали. Например, после выхода «Разысканий...» многим сразу бросилась в глаза искусственность построения сюжета о былинных предках князя Владимира. Ю. В. Готье охарактеризовал этот сюжет как «необычайно интересную, но почти фантастическую генеалогию» и как «зданье, построенное на песке».³⁴ Резкой критике подверг это построение Шахматова в специальной статье польский историк А. Брюкнер,³⁵ охарактеризовав его метод как путь от фантазии к фантазии и отметив, что «starszy Dumas i młodszy Sienkiewicz mogliby Szachmatowu pozazdrościć» («старший Дюма и молодой Сенкевич могли бы Шахматову позавидовать»). Брюкнер указал на ряд совершенно неубедительных, по его мнению, посылок, на которых Шахматов строил свою концепцию первоначального вида текста о древлянской дани Игоря, в частности, на идею тождества имен «Мискины» (Длугошь), Мстиши и Мала («Повесть временных лет»), тождества древлянского города Клеческа и легендарного Кольца, Мала Древлянского и Малка Любечанина (как «Малка Кольчанина»). Статья Брюкнера вызвала в свою очередь ответ со стороны А. И. Лященко.³⁶ Критикуя резкие высказывания Брюкнера в адрес Шахматова и подчеркивая заслуги последнего в области изучения русского летописания, Лященко тем не менее сам

признал, что «эта идея Шахматова — одно из его наиболее зыбких построений», и увидел причину в том, что «здесь А. А. Шахматов как бы отступил от принятого им пути критики текста, перейдя на другое поприще — критика-историка». С последним объяснением трудно согласиться, поскольку весь данный сюжет построен именно на трактовке летописного текста. А вот на историческую неправдоподобность шахматовской трактовки Брюкнер указал особо, заметив, что «свирепая нормандка» Ольга не стала бы оставлять в живых убийцу своего мужа — князя Мала и его детей.

Нам представляется, что построение Шахматова о «былинных предках Владимира»³⁷ — не исключение из его творчества, а только отражение доведенного до предела его положения о том, что всякое недоумение, вызванное противоречиями в тексте, должно и может получить свое объяснение, пусть сугубо предположительное. Ведь текст «Повести временных лет» в рассматриваемом месте нельзя назвать логичным и полностью связным. Из него неясно, например, кто такие Мистиша и Мальфред (под этим именем Шахматов предлагает видеть Малушу), что случилось с князем Малом после взятия его города, наконец, как мог так долго жить воевода Свенельд, служивший трем поколениям киевских князей (Игорь–Святослав–Ярополк) и т. д. Шахматов же в итоге своего построения предложил читателю другой, «первоначальный», и при этом внутренне непротиворечивый текст, снимая те «искажения», которые умышленно или неумышленно были допущены, по его мнению, последующими редакторами. Здесь Шахматов исходил из представления, вообще ему свойственного, что текст изначально не может быть противоречивым, и всякого рода противоречия и непонятные места есть свидетельства его позднейшего присхождения. В некотором смысле он оказывался близок А.-Л. Шлецеру и немецкой науке его времени, для которой принципиально важным было положение о затемняющей первоначальный смысл древнего текста последующей его порче и извлечении «первоначального Нестора» как главной задаче текстологии. Сходство, возможно, поверхностное, но оно подтверждает, хотя, быть может, и с несколько неожиданной стороны, мысль М. Д. Приселкова о том, что Шахматов через головы своих предшественников мог «протянуть руку старику Шлецеру».³⁸

Я. С. Лурье писал, что Шахматов, работая с древнейшими летописными рассказами, был вынужден строить свои рассуждения на предположениях и догадках главным образом потому, что для этого периода отсутствуют параллельные тексты. Суть же шахматовского метода, по Лурье, проявилась в полной мере только на материале исследования сводов XIV–XV вв., представляющих богатый материал для сличения.³⁹ Поэтому нужно отличать выводы, сделанные Шахматовым на основе сравнения текстов летописей этого периода, выводы, ведущие к восстановлению их гипотетических общих протографов (Шахматов не употреблял понятия «архетип», как это делали и продолжают делать обыкновенно текстологи, а использовал исключительно понятие «протограф», это можно сказать и о других ученых его школы), от его же выводов, но полученных путем сравнительного изучения уже этих гипотетических протографов и ведущих к получению протографов второго ряда, а затем третьего и т. д. Еще меньшей степенью доказательности обладают выводы, полученные в том случае, когда материала для сравнительного исследования нет вообще или он крайне беден. Рассуждение это, конечно, справедливо. Однако необходимо сделать одну оговорку. Сам Шахматов не считал своей основной целью анализ поздних сводов, видя в нем лишь путь проникновения в толщу веков и в толщу летописных текстов, скрытых в их основании.

Восстановление первоначального вида «Повести временных лет» и ее источников, решение вопроса о происхождении русской летописи — вот в чем заключался важнейший смысл его творчества в области летописания. В области лингвистики он виделся в разрешении проблемы происхождения русского языка, его наречий и говоров. В совокупности языковедческих и источниковедческих работ это был, конечно, вопрос о происхождении русского народа, т. е. вопрос, по масштабу своему как раз соответствующий масштабу творческого дарования Шахматова. Стремясь к его разрешению, Шахматов и на материале древнейшего летописания, верный своим принципам, высказанным еще в отзыве на работу И. А. Тихомирова и заключающимся в том, что исследователь любого литературного памятника должен прежде всего подвергнуть его сравнительному изучению с другими, близкими, чтобы восстановить его первоначальный вид, стремился найти и находил этот материал для сравнения даже, когда речь шла о древнейшем периоде летописания. Поэтому для анализа древнейших этапов летописания им были привлечены кроме текста «Повести временных лет» Новгородская 1 летопись Старшего и Младшего изводов, Новгородская 4 и Софийская 1 летописи, Сказание мниха Иакова, различные варианты Жития Бориса и Глеба, наконец, как в рассмотренном случае, — хроника Длугоша и даже былины. И его выводы относительно древнейших русских летописных сводов с его точки зрения должны были вполне соответствовать требованиям сравнительной текстологии. Поэтому речь должна идти не только о бедности материала, имевшегося у Шахматова, когда он писал о начале летописания, т. е. не только об объективных трудностях исследования этого периода, но и об особенностях отношения Шахматова к тексту, в котором сочетались моменты одновременно идущие от его школы и присущие ему лично, его творческой индивидуальности.

Думается, что такой подход Шахматова объясняется присущей ему убежденностью в неограниченных возможностях сравнительно-исторического метода как при исследовании явлений текста, так и при исследовании явлений языка. С. П. Обнорский отмечал, что характерной чертой Шахматова-лингвиста было «не обходить, не бояться трудных, даже неразрешимых научных вопросов, а пытаться найти хотя бы гипотетическое разрешение».⁴⁰ Об этом очень хорошо написал М. Д. Приселков, когда указывал на поразительные результаты трудов Шахматова и на «побежденные в них списки всех русских летописных сводов, до того совершенно не тронутые взаимным сличением».⁴¹ Определение «побежденные» в отношении летописных текстов кажется в этой связи знаменательным. Идеей «победы» над текстом, над временем, этот текст затуманившим, над чередой летописцев, его сознательно изменявших, проникнуты работы Шахматова. М. Д. Приселков с восторгом писал о том, что «из истории нашей умственной жизни рукою А. А. удален надуманный и пустой образ летописца-монаха, далекого от жизни и мирской суеты».⁴² И это же весьма едко, а потому, конечно, и несколько утрированно подметил И. П. Еремин, писавший, что у Шахматова уже «отчетливо намечен» образ летописца — «многоопытного литератора-чиновника» «политической канцелярии» князя, его официозного апологета и послушного исполнителя его поручений по части идеологической «обработки» общественного мнения, образ — окончательно дорисованный последователями Шахматова (т. е. М. Д. Приселковым, против которого в основном и направлена критика И. П. Еремина, и у которого действительно этот мотив разработан более глубоко).⁴³

Стремление Шахматова дать объяснение абсолютно всем имеющимся у него фактам (как языковым, так и касающимся летописей) обусловило и особый способ построения им своей аргументации. Л. В. Щерба писал, что «его исследование не походило на стройный полет одинокой стрелы, ...оно все шумело бесчисленными стрелами мысли, ...бывало полно гипотетических звеньев, предположений». При этом он отмечал, что у Шахматова «решительно все факты находят себе место и объяснение в его системах и притом зачастую оказываются нанизанными на разветвления одной и той же идеи». Слабость этого подхода заключалась в том, что достаточно было поколебать какой-то элемент его построения, чтобы разрушить всю систему. Этим же, по мнению Щербы, объяснялось и то уже отмеченное нами обстоятельство, что он был вынужден неоднократно перестраивать свои конструкции.⁴⁴

Строгость логических построений Шахматова несомненно идет от Фортунатова. В работах последнего был очень силен элемент формальной логики и часто используются цепи логических рассуждений, нанизанных одно на другое. Если мы обратимся к работам Шахматова по летописанию, то увидим картину, во многом сходную. Именно так, например, он строил рассуждения о существовании древнейшего новгородского свода, о редакциях «Повести временных лет» и т. п. К одной и той же мысли Шахматов подходит с разных сторон, то ближе, то дальше, но двигаясь к единой цели. Причем взятые по одиночке аналитические цепи его рассуждений не являются достаточными, но в совокупности создают впечатление нерушимого монолита, который невозможно поколебать.

Его учителя Фортунатова часто называли «формалистом». Действительно, он занимался в основном формой языка, т. е. его звучанием и графикой, а не его значением. Именно в этих областях были созданы его выдающиеся труды по сравнительной морфологии, сравнительной грамматике и сравнительной фонетике индоевропейских языков. И Шахматова на этих же основаниях вслед за Фортунатовым можно назвать «формалистом», поскольку он также в основном интересовался развитием формы, т. е. движением текстов. Вопрос, который два столетия был основным для исследователей русских летописей, вопрос о достоверности летописных сообщений, не занимал его в том смысле, в каком он занимал «скептиков» и «антискептиков». «Исторические факты дошли до нас в литературной традиции, они светят через тусклую призму литературных памятников», — писал он В. А. Пархоменко.⁴⁵ Нельзя не согласиться с Д. С. Лихачевым, отмечавшим, что Шахматов «занимался историей русского летописания не в узкоутилитарных целях, а потому, что история летописных сводов имеет глубоко самостоятельное значение, как часть истории культуры русского народа». Именно поэтому Шахматов «никогда не называл свои работы источниковедческими, а себя источниковедом». Для него «летопись была достойна изучения сама по себе».⁴⁶ Поэтому и достоверность Шахматов понимал как достоверность реконструкции, восстановления исчезнувших текстов. В этом смысле вопрос о достоверности был для него очень важен. А критерием достоверности тогда оказывалась мотивированность того или иного движения текста. Другими словами, сличая тексты летописей, Шахматов стремился не только определить моменты сходства и различия и выделить общую основу, но объяснить причины, которые побудили древнерусского книжника выбросить один эпизод, вставить другой или сознательно переделать третий. Бесчисленные примеры таких объяснений можно найти во всех работах Шахматова, как и высказы-

вания типа: «...летописец упустил из внимания одно обстоятельство...», «...после этой вставки... продолжал списывать текст...», «...когда он вспоминал древнейшие судьбы родной земли...», «...новгородский летописец выходит с честью из тех затруднений, которые создавались темным и запутанным рассказом киевского свода...» и т. п.⁴⁷ В результате создавалось абсолютное ощущение достоверности. Шахматов ясно, зримо, выпукло представлял читателю те возникающие из его логического анализа и умозаключений этапы истории летописного текста, которые описывал. Сам летописец оказывался живым человеком, который «упускает из виду», «вспоминает» и «выходит из затруднений». Столь же достоверными представлялись ему и гипотетически восстанавливаемые древние тексты, настолько достоверными, что их можно было публиковать.

Склонность к реконструированию — еще одна черта Шахматова, идущая от школы Фортунатова. Для последнего было свойственно постоянное стремление к реконструкции праязыковых форм.⁴⁸ Оно проявлялась и в лингвистических работах Шахматова. В. В. Виноградов считал, что основной задачей Шахматова в области лингвистики было «восстановить общерусский праязык подробно и точно как живой, и сделать ясным весь процесс его диалектных дроблений и скрещений во всех частях и во все эпохи».⁴⁹ В. М. Истрин отмечал, что «язык под пером А. А. оживал» и, «взятый даже в доисторическую эпоху, он являлся перед нами живым организмом, где все члены движутся, видоизменяются, влияют друг на друга, умирают, оставляя после себя потомство, которое продолжает жить таким же способом».⁵⁰ А. И. Соболевский, критикуя одну из ранних работ Шахматова, подчеркивал преувеличение им реальности реконструкции общеславянского языка, превращающегося под его пером в «нечто в роде говора Саратовского уезда, который г. Шахматов ежедневно слышит, и все эти ö, ä, ie ... могут быть наблюдаемы всяким, кому вздумается посетить Саратовский уезд».⁵¹ Конечным звеном исследования летописного текста Шахматов видел реконструкцию древнейших этапов его существования или же реконструкцию его составляющих.⁵² Причем эти реконструкции, хотя и помещенные в приложении к его «Разысканиям...», по сути своей не воспринимались автором как нечто дополнительное, а прямо расценивались им как «главный результат... исследования».⁵³ Весь же основной текст книги оказывался развернутым комментарием к данным реконструкциям. Но нужно отметить, что Шахматов, как и Фортунатов, при этом подчеркивал различие между фактами реконструкций и фактами, полученными в результате сравнительного анализа реальных свидетельств. Ярким примером такого понимания является выступление Шахматова на обсуждении магистерской диссертации М. Д. Приселкова. Шахматов критиковал Приселкова за то, что он использовал в своей работе не текст летописи, а его, Шахматова, реконструкции. «Я, — прибавлял Шахматов, — дал фикцию, а не текст», нужно, когда это возможно, «давать источник», а не комментарий и избегать «нажима на источники».⁵⁴

Отдельно можно анализировать введение Шахматовым момента «психологизма» в свои научные построения. Очень многие выводы о происхождении текстов делались им в конечном счете на основании именно психологической невозможности, с его точки зрения, смотреть на имеющийся в нашем распоряжении текст как первоначальный. Напомним, например, как, анализируя текст «Повести временных лет» о принятии князем Владимиром крещения, Шахматов увидел в нем совмещение двух рассказов:

версии о киевском крещении и так называемой «Корсунской легенды». И натолкнули его на этот вывод некоторые фразы, психологически в противном случае необъяснимые, прежде всего, известные слова «...пожду еще мало...», сказанные Владимиром в ответ на призыв Философа принять крещение. Важно посмотреть, что в этой связи может дать нам обращение к фортунатовской школе. Как известно, она противопоставляла себя другому направлению, выразителями которого были Л. В. Щерба и казанская школа И. А. Бодуэна де Куртенэ. Последние считали, что развитие языка обусловлено психологическими причинами и направляли свои усилия на поиск именно психологических решений многих лингвистических задач. Так, И. А. Бодуэн де Куртенэ полагал, что «сущность человеческого языка исключительно психическая, существование и развитие языка обусловлено чисто психическими законами», как и фонема — это «постоянно в нашей психике существующее представление звука».⁵⁵ Р. О. Якобсон, учившийся у учеников Фортунатова, отмечал, что «освобождение от психологизма» было частью лингвистической концепции последнего, ратовавшего за «эмансипацию лингвистики от психологизма и логицизма, а диалектологии от этнографизма» с ориентацией на поиск чисто лингвистических закономерностей.⁵⁶ Он вспоминал, что его учителя по этой причине запрещали читать книгу Л. В. Щербы «Русские гласные в качественном и количественном отношении». Известный основатель копенгагенской школы структурализма Луи Ельмслев высоко оценил фортунатовскую школу за эти ее качества и подчеркивал, что ей «принадлежит заслуга в постановке проблемы существования чисто формальных категорий и в протесте против смешения грамматики с психологией и логикой».⁵⁷ Сложнее обстоит дело с определением отношения к этим проблемам Шахматова-лингвиста. Так, В. И. Журавлев считал, что Шахматов «продолжил освобождение морфологии от бодуэновского психологизма».⁵⁸ Ф. М. Березин, напротив, полагал, что Шахматов впоследствии вышел в этом отношении за рамки фортунатовской школы и пришел к необходимости психологического объяснения явлений языка.⁵⁹ С. И. Бернштейн также отмечал эволюцию взглядов Шахматова на синтаксис русского языка, указывая, что ученый ушел от «чисто лингвистического историзма» и добился сочетания его с «психологическим генетизмом». Бернштейн подчеркивал даже, что Шахматов «в конце своего пути... пришел к построению системы, прямо полярной по отношению к учению Фортунатова».⁶⁰ Мы, разумеется, отдаем себе отчет в том, что в данном случае использование психологического метода в лингвистике и психологических объяснений в текстологии — вещи в значительной степени различные. Однако, как нам кажется, для Шахматова, применявшего свой лингвистический опыт при изучении летописей, и эта часть его также имела определенное значение.

Сказанного, думается, достаточно для утверждения, что Шахматов-лингвист и Шахматов-исследователь летописей — это одно явление в истории русской науки. Различается в его работах по языкознанию и по текстологии главным образом характер материала, диктующий и определенные особенности работы с ним. Как писал Н. К. Никольский, «Шахматов применил фортунатовский метод к изучению историко-литературных явлений, т. е. явлений более сложных, чем данные языка».⁶¹ По свидетельству П. А. Лаврова, Шахматов сознавал, что главное его призвание — лингвистика. С. Ф. Платонов также называл основной его специальностью историю русского языка. А А. Е. Пресняков писал, что «в лице Шахматова к изучению летописных сводов подошел не историк, а филолог...».⁶² Можно, видимо, сказать, что Шахматов был не просто лингвистом, занимаю-

щимся летописанием, а исследователем-историком в очень широком диапазоне, так как и к лингвистике в большинстве своих работ он подходил как к исторической дисциплине. Можно согласиться с В. М. Истриным, который писал: «Занимаясь и лингвистикой и историей летописания, он закладывал фундамент для построения грандиозных зданий, которые ... должны будут стоять друг от друга поодаль, но которые чем-то между собой будут связаны».⁶³

Мы коснулись, по сути, вопроса о том, что такое научная школа, какую роль она играет в жизни ученого. Разумеется, Шахматов не был просто учеником Фортунатова. Он был отдельной, очень крупной фигурой, может быть — самой крупной среди поколения выдающихся ученых рубежа XIX–XX вв. Но все же, приведенные данные показывают, что полученная в юности выучка с ее сильными и слабыми чертами — это то, что не всегда возможно изжить, что продолжает влиять в течение всей жизни, даже если предметом исследования является другой материал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Веселовский А. Н.* Сравнительная мифология и ее метод. СПб., 1873.

² О влиянии братьев Гримм и мифологической школы на развитие сравнительного метода в России см.: *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 298, 299, 311, 366 и др.; *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1963. Т. 2; *Vasmer M.* Bausteine zur Geschichte der deutsch-slavischen geistigen Beziehungen. I. Berlin. 1939 // *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Jahrgang 1938.* № 6. S. XVII–XXXI.

³ См.: *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. С. 156, 159 и др.

⁴ *Депретто К.* Литературная критика и история литературы в России конца XIX — начала XX века // *История русской литературы. XX век: «Серебряный век»* / Под ред. Ж. Нива, И. Сермана, В. Страды, Е. Эткинда. М., 1995. С. 242–257.

⁵ Там же. С. 253–254.

⁶ Подробнее см.: *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале древнерусской литературы X–XVII вв. Л., 1983. С. 10–24.

⁷ *Перетц В. Н.* Из лекций по методологии истории русской литературы. Киев, 1914; *Бугославский С. А.* Несколько замечаний к теории и критике текста. Чернигов, 1913.

⁸ *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси

Северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 103–236.

⁹ О Фортунатове см. подробнее: *Щепкин В. Н.* Ф. Ф. Фортунатов // *Русский филологический вестник.* 1914. № 3, 4. С. 417–420; *Поржезинский В. И.* Филипп Федорович Фортунатов. М., 1914; *Чемоданов М. С.* Сравнительное языкознание в России. М., 1956. С. 58 и др.; *Сидоров В. Н.* Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971; *Перельмутер И. С.* Труды Ф. Ф. Фортунатова по типологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983; *Журавлев В. К.* Ф. Ф. Фортунатов и фонология // *Сравнительно-исторические и сопоставительно-типологические исследования: [Докл. Фортунатов. чтений].* 1979 г. М., 1983. С. 62–67; *Березин Ф. М.* Очерки по истории языкознания в России (конец XIX — начало XX в.). М., 1968. С. 28–99.

¹⁰ *Чемоданов М. С.* Сравнительное языкознание... С. 58, 78 и др.

¹¹ *Фортунатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение. Общий курс // *Фортунатов Ф. Ф.* Избранные труды. М., 1956. Т. 1. С. 25.

¹² См., например: *Чемоданов М. С.* Сравнительное языкознание в России. С. 58 и др.; *Березин Ф. М.* Очерки по истории языкознания... С. 28–99; *Обнорский С. П.* Академик А. А. Шахматов: К 25-летию со дня смерти // *Вестник АН СССР.* 1945. № 10–11.

- ¹³ *Шахматов А. А.* Ф. Ф. Фортунатов (некролог) // Изв. Академии наук. 1914. № 14. С. 967–974.
- ¹⁴ *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова... С. 18.
- ¹⁵ *Шахматов А. А.* Обзорные русские летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.
- ¹⁶ *Бугославский С. А.* «Повесть временных лет» (списки, редакции, первоначальный текст) // Старинная русская повесть. М.; Л., 1941. С. 9.
- ¹⁷ *Готье Ю. В.* Шахматов-историк // ИОРЯС. Пг., 1922. Т. 25. С. 250.
- ¹⁸ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1907.
- ¹⁹ *Шахматов А. А.* Ф. Ф. Фортунатов (некролог). С. 968.
- ²⁰ *Бубрих Д. В.* О трудах А. А. Шахматова в области славянской акцентологии // ИОРЯС. Т. 25. С. 199.
- ²¹ *Березин Ф. М.* Очерки по истории языкознания... С. 139.
- ²² *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 45.
- ²³ *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А. А. Шахматова // ИОРЯС. Л., 1924. Т. 27.
- ²⁴ *Лихачев Д. С.* Шахматов-текстолог (Доклад на сессии Отделения литературы и языка АН СССР и Института русского языка АН СССР, посв. памяти А. А. Шахматова. 25 июня 1964) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1964. Т. 23. Вып. 6. С. 483.
- ²⁵ *Пархоменко В. А.* Из листування з акад. О. О. Шахматовим // Україна. Науковий двохмісячник українознавства. Київ, 1925. Кн. 6. С. 126.
- ²⁶ *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 45.
- ²⁷ *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова... С. 16.
- ²⁸ *Лурье Я. С.* О гипотезах и догадках в источниковедении // Источниковедение отечественной истории : Сб. статей. 1976 г. М., 1977.
- ²⁹ *Обнорский С. П.* Памяти академика А. А. Шахматова // ИОРЯС. Т. 25. С. 463.
- ³⁰ *Никольский Н. К.* Памяти А. А. Шахматова // ИОРЯС. Т. 25. С. 160–161.
- ³¹ *Шахматов А. А.* Заметки по истории звуков лужицких языков : По поводу книги Л. В. Щербы «Восточно-лужицкое наречие». Т. 1. (С приложением текстов). Пг., 1915 // ИОРЯС. 1916. Т. 21. С. 258.
- ³² *Виноградов В. В.* А. А. Шахматов как исследователь истории русского литературного языка : (К 100-летию со дня рождения) // Вестник АН СССР. 1964. № 10. С. 119.
- ³³ *Шахматов А. А.* Рецензия на кн.: Пархоменко В. А. Начало христианства Руси. Полтава, 1913 // Журнал Министерства народного просвещения. Новая сер. 1914. Ч. 52. С. 352.
- ³⁴ *Готье Ю. В.* Шахматов-историк. С. 281.
- ³⁵ *Bruckner A.* Rozdział z «Nestora» // Записки Наукового товариства імені Шевченка. У Львові, 1925. Т. 41–42. С. 1–15.
- ³⁶ *Ляценко А.* Летописное сказание о мести Ольги древлянам. (По поводу статьи проф. А. Брюкнера) // ИОРЯС. Л., 1929. Т. 2. Кн. 1. С. 320–336.
- ³⁷ В дальнейшем она была частью историков принята, а частью отвергнута, предлагались и новые объяснения сделанных Шахматовым наблюдений. См. об этом: *Соловьев А. В.* Был ли Владимир Святой правнуком Свенельда? // Записки Русского научного института в Белграде. 1941. Вып. 16–17. С. 37–64; *Поппэ А. В.* Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 64–91.
- ³⁸ *Приселков М. Д.* Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // ИОРЯС. Т. 25. С. 131.
- ³⁹ *Лурье Я. С.* О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. С. 97–107.
- ⁴⁰ *Обнорский С. П.* Академик А. А. Шахматов. С. 79.
- ⁴¹ Там же. С. 129
- ⁴² Там же. С. 134.
- ⁴³ *Еремин И. П.* «Повесть временных лет» : Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1947. С. 37–39.
- ⁴⁴ *Щерба Л. В.* Методы лингвистических работ А. А. Шахматова // ИОРЯС. Т. 25. С. 315.
- ⁴⁵ *Пархоменко В. А.* Из листування з акад. О. О. Шахматовим. С. 127.
- ⁴⁶ *Маркелов Г. В.* Совецание в Институте русской литературы АН СССР, посвященное памяти А. А. Шахматова. (Вступительное слово академика Д. С. Лихачева. Хроника заседания) // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 391.

⁴⁷ Все примеры взяты нами из одной только главы «Разысканий...», но они представляют типичные для Шахматова обороты. См.: *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 312, 315, 317.

⁴⁸ *Чемоданов М. С.* Сравнительное языкознание... С. 66.

⁴⁹ *Вишоградов В. В.* А. А. Шахматов как исследователь русского литературного языка. С. 42.

⁵⁰ *Истрин В. М.* А. А. Шахматов как ученый // ИОРЯС. Т. 25. С. 32.

⁵¹ *Соболевский А. И.* (рец.). А. А. Шахматов. Исследования в области русской фонетики. Варшава. 1893 // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 4. С. 424.

⁵² *Шахматов А. А.* Разыскания...

⁵³ Там же. С. 532.

⁵⁴ Магистерский диспут М. Д. Приселкова в С.-Петербургском университете // Научный исторический журнал, издаваемый под редакцией проф. Н. И. Кареева. 1914. Т. 2. Вып. 1–3. № 3. С. 137.

⁵⁵ Русское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете. Л., 1971. С. 69.

⁵⁶ *Журавлев В. И.* Ф. Ф. Фортунатов и фонология. С. 65.

⁵⁷ *Березин Ф. М.* Очерки по истории языкознания... С. 90, 100, 188.

⁵⁸ *Журавлев В. И.* Ф. Ф. Фортунатов и фонология. С. 66.

⁵⁹ *Березин Ф. М.* Очерки по истории языкознания... С. 247–284.

⁶⁰ *Бернштейн С. И.* Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова // ИОРЯС. Т. 25. С. 231, 233.

⁶¹ *Никольский Н. К.* Памяти А. А. Шахматова // Там же. С. 160.

⁶² *Лавров П. А.* Первые годы научной деятельности А. А. Шахматова // Там же. С. 56; *Платонов С. Ф.* А. А. Шахматов как историк // Там же. С. 139; *Пресняков А. Е.* А. А. Шахматов в изучении русских летописей // ИОРЯС. Т. 25. С. 164.

⁶³ *Истрин В. М.* А. А. Шахматов как ученый. С. 26–27.

С. Г. Беляев

С. Ф. ПЛАТОНОВ, Б. В. АЛЕКСАНДРОВ, Б. А. РОМАНОВ И ПЕТРОГРАДСКИЕ АРХИВЫ В 1918 г.

Биография и научное наследие С. Ф. Платонова, как и судьба всей петербургской исторической школы, были предметом исследовательского внимания Алексея Николаевича Цамутали на протяжении многих лет.¹ Публикуемое письмо из фонда С. Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (Ф. 585) отражает отношения историка с Б. В. Александровым и Б. А. Романовым, которые называли его своим учителем, а себя — членами его «дружины». В то же самое время оно является свидетельством участия его авторов и адресата в формировании комплекса исторических архивов Петрограда в первые месяцы после Октябрьской революции.

В 1918 г. С. Ф. Платонов стал во главе Петроградского отделения Главархива, к работе в котором привлек многих замечательных представителей петербургской исторической школы, среди которых были и авторы публикуемого письма. Оно написано рукой Б. А. Романова и только подписано Б. В. Александровым. Письмо введено в научный оборот и неоднократно цитировалось,² что также является аргументом в пользу его публикации целиком.